

и все, что я имѣлъ въ настоящемъ, все, что могъ имѣть въ будущемъ, я все отдалъ бы за красивое лицо!» Раньше же, при жизни матери, онъ, какъ говорилъ самъ, считалъ Карла Ивановича «первымъ красавцемъ въ мірѣ»... Что это, какъ не *развратъ* семейныхъ началъ и понятій, когда считаютъ возможнымъ, въ присутствіи ребенка разбирать его наружность, даютъ ему понять, что онъ дурень—и онъ на самомъ дѣлѣ начинаетъ, приходя въ отчаяніе, вѣрить слѣпо, что дѣйствительно «нѣтъ счастья на землѣ человѣку съ маленькими сѣрыми глазами!» Все это, на видъ, мелочи,—таковыми они и у автора представлены, въ числѣ многихъ другихъ его неважныхъ воспоминаній, но мы попросили бы читателя только представить себѣ, вспоминая выставленный къ этой главѣ эпиграфъ изъ «Исповѣди» гр. Толстого, сколько должно было быть такихъ *мелочей*, чтобы составить ту стихійную силу, которая постоянно должна была уносить отъ *Итаки* коллективнаго героя гр. Толстого!... Не вина была героя нашего, если ему такъ настойчиво не везло съ «вопросами» его, съ развитіемъ въ себѣ этическихъ началъ, когда онъ былъ въ тискахъ этой душной свѣтской атмосферы, этого исключительно-эстетическаго духа, наружнаго лишь воспитанія,—если развитію этому, на всю жизнь, суждено было испытать ту двойственность, колебанія и шатанія изъ стороны въ сторону, которыя обуславливались раздвоенностью въ самой натурѣ его! Отнынѣ, красною нитью, пройдетъ черезъ всю его жизнь и жизнь послѣдующихъ героевъ борьба этихъ двухъ началъ—прирожденнаго ему внутренняго материнскаго, и привитаго ложнымъ воспитаніемъ и средою — наружнаго-эстетическаго. Отрочество смѣнится юностью. По прежнему нашъ герой будетъ одновременно--и сокрушаться о своей наружности, и дѣлать, удачныя или неудачныя попытки къ внѣшнему усилѣху въ свѣтѣ, и стремиться къ